

Цзинпин резко отпрянул назад. Прохладные пальцы Ли Яо скользнули по его подбородку, оставив на коже мимолетное, щекочущее ощущение.

— Хорошая реакция, — негромко усмехнулся Ли Яо.

Цзинпин промолчал. Переходя от защиты к нападению, он выбросил вперед ладонь, целясь в Ли Яо прямо в шею.

Ли Яо лишь слегка качнулся в сторону, уклоняясь от ребра ладони. Заметив, что удар Цзинпина прошел мимо и тот уже возвращает руку, Ли Яо негромко хмыкнул и потянулся щелчком уколоть юношу в локоть.

Цзинпин сразу понял, что соперник метит в уязвимую точку — локтевой нерв. Времени на раздумья не оставалось: резко повернув руку и используя инерцию неудавшегося удара, он пошел на сближение, пытаясь плечом и локтем зацепить ключицу Ли Яо, чтобы вынудить того отступить и защищаться.

— Отлично! — Ли Яо уклонился и перехватил движение. — Именно так и нужно действовать.

В то же мгновение локоть Цзинпина уперся в раскрытую ладонь Ли Яо. Мягким круговым движением тот перенаправил выпад, гася всю инерцию удара. Закончив связку, Ли Яо опустил руки и замер, весело глядя на юношу из-под полуприкрытых век.

Еще мгновение назад Цзинпин мысленно ругал собеседника за глупые шутки, но теперь осознал истинный смысл его действий. Ли Яо двигался нарочито неторопливо, давая юноше время уклониться и перестроиться на ходу. Это был не просто бой — это было испытание и одновременно урок.

— Если отбросить разговоры о закалке тела, суть любого боевого искусства — калечить и убивать. В настоящей схватке каждый выпад должен нести угрозу, а возврат оружия или руки — становиться началом новой атаки, — Ли Яо картинно отряхнул широкие рукава халата и спрятал ладони в карманы, вновь принимая загадочный вид. — Твоя техника... Что ж, основа добротная, заложена на совесть. Но тебе не хватает гибкости, хитрых приемов и, главное, настоящего боевого опыта. Похоже, тебе почти не с кем было тренироваться в полную силу. Оттого ты и не знаешь себе истинной цены, а порой ведешь себя слишком уж безрассудно.

Под конец Ли Яо невольно вспомнил, как этот упрямец несколько дней назад в одиночку пробрался в усадьбу префекта. От злости у него даже зубы заскрипели. Ему вдруг стало жаль, что он так быстро закончил спарринг — стоило бы проучить мальчишку как следует.

— Хочешь подняться на ступень выше? — спросил он.

Цзинпин молча слушал выговор, чувствуя, как мысли путаются. Последние дни перевернули

его мир с ног на голову. Он никак не мог сопоставить в своей голове образ предательского отпрыска, правого канцлера Южной Цзинь и грозного молодого генерала, выжигавшего дотла целые области, с тем легкомысленным человеком, что стоял перед ним. Да к тому же этот мертвец умудрился ожить, устроив такую суматоху, что у юноши до сих пор раскалывалась голова.

— Хочу, — Цзинпин отбросил лишние мысли и сразу перешел к главному. — Ты сам будешь меня учить?

Ли Яо поднялся и принялся неторопливо вышагивать по комнате, заложив руки за спину.

— Я, конечно, неплох как в науках, так и в ратном деле, — протянул он. — Но, во-первых, если посчитать, мы с тобой разного круга и поколений. А во-вторых...

А во-вторых, у него были свои соображения на этот счет.

У Ли Яо было одно неоспоримое достоинство: он прекрасно понимал пределы собственных возможностей. Его боевые навыки были превосходны, но оттачивались они в крошечном аду кровопролитных сражений. В них жила первобытная, темная ярость; его стиль создавался ради одного — оборвать жизнь врага единым смертоносным ударом, без лишних движений. Эти привычки въелись в самую его суть, и передавать их Цзинпину было бы опасной глупостью: в обычной жизни они не пригодятся. К тому же Ли Яо по натуре был человеком ленивым и свободолюбивым. Изредка наставлял юношу, красуясь в роли умудренного опытным мастером и греясь в лучах восхищения — это пожалуй, на такое его хватало. Но изо дня в день заниматься нудными тренировками? У него просто не достанет терпения. Цзинпин и без того начал учиться поздно, а плохой учитель мог и вовсе испортить мальчишке технику.

Признаваться в этом вслух Ли Яо не собирался, а потому ловко сменил тему:

— А во-вторых, есть человек, который справится с этим куда лучше меня.

Он решил переложить эту заботу на плечи Хуа Синьфэна. Племянник-наставник Хуа в прошлом служил помощником генерала, отличался честным и прямым нравом, а в юности был дружен с супругой герцога Синь. Уж он-то точно отнесется к Цзинпину как к родному сыну и воспитает его со всей строгостью и заботой.

К тому же, если отбросить личные мотивы, за Цзинпином охотились люди народа Цзе. Не исключено, что весть о появлении молодого наследника герцога Синь на юге уже разлетелась повсюду. Пока опасность не миновала, держать юношу при себе было самым разумным и надежным решением.

Юноша приоткрыл было рот, но, бросив быстрый взгляд на Ли Яо, опустил голову и промолчал, так и не решившись высказать то, что вертелось на языке.

Ли Яо сначала удивился, но уже в следующее мгновение все понял. Он тепло улыбнулся и, легонько потрепав юношу по затылку, мягко произнес:

— Никто тебя не прогоняет. Ты останешься жить здесь.

При этих словах мальчишка, который обычно тщательно скрывал свои чувства, невольно просиял. На его лице отразилась неподдельная, чистая радость.

— Да, чуть не забыл. Это закончили делать сегодня утром. Примерь-ка, подойдет ли.

Ли Яо достал из-за пазухи какой-то предмет и протянул юноше.

Цзинпин взял его. Это была маска, закрывающая ровно половину лица. Материал походил на тот темный металл, из которого был выкован кинжал Ли Яо: иссиня-черный, отливающий едва заметным благородным блеском. Маска оказалась удивительно тонкой и легкой, на лице она почти не ощущалась, а размер подошел идеально. Тонкие, искусно переплетенные линии узора напоминали древние священные тотемы, полностью скрывая багровое родимое пятно на его щеке.

Ли Яо окинул его оценивающим взглядом и довольно хмыкнул:

— Очень недурно. — Но затем его улыбка угасла, и он заговорил серьезно и тихо: — Люди в этом мире глупы и привыкли судить по одежке. Маска уберет тебя от косых взглядов и лишних расспросов, но она не должна сковать твое сердце. Помни: пока твои помыслы чисты, ты остаешься собой, что бы ни было надето на твоём лице.

Цзинпин растерялся. Прежде Ли Яо никогда не говорил с ним в таком тоне.

«Каким же он бывает там, при императорском дворе?» — невольно подумал юноша.

Так молодой наследник и остался жить в этом тихом уголке. А в день, когда он официально признал Хуа Синьфэна своим наставником, секретарь Хуа радовался так, будто сам женился и в тот же день обзавелся первенцем.

Он тут же вытащил из широкого рукава увесистый мешочек с монетами — свое жалованье едва ли не за полгода — и попытался вручить Цзинпину в качестве подарка за встречу. Мальчишка от такой щедрости растерялся и наотрез отказался принимать деньги. Тогда Ли Яо со смехом перехватил кошель и бесцеремонно всунул его юноше за пазуху.

— Раз дают — бери, — подтолкнул он его в плечо и указал на задний двор. — А теперь ступай, помоги дяде Суню набрать овощей к обеду.

Стоило Цзинпину скрыться из виду, как бурная радость Хуа Синьфэна понемногу утихла. Он заметил, как Ли Яо, прислонившись к косяку, с ухмылкой наблюдает за ним. Облизав пересохшие губы, секретарь тихо спросил:

— Его маска... Она ведь сделана из?..

Ли Яо, поняв, что тот обо всем догадался, молча кивнул.

Хуа Синьфэн так и замер на месте:

— Твой дед оставил тебе всего два вида оружия. Длинная сабля затерялась в столице, а личный кинжал ты всегда носил с собой... Как ты мог переплавить его ради этого?

Ли Яо лишь безразлично пожал плечами:

— Старик всегда был человеком легкого нрава и учил меня, что любая вещь должна служить делу. Это чистейшее метеоритное железо, оно невероятно прочное и гибкое. Маска из него вышла тонкой, как бумажный лист — мальчишке будет удобно ее носить.

— Неужели ты... чувствуешь себя виноватым перед ним?

Ли Яо опустил взгляд и после долгого молчания ответил на редкость серьезно:

— Не знаю. Но мне кажется, что наша встреча с ним была предначертана свыше.

— На этом фоне мой кошель с монетами выглядит просто жалко, — с горькой усмешкой протянул Хуа Синьфэн и крепко хлопнул Ли Яо по плечу. В его глазах блеснули слезы, а на лице читалась безмолвная клятва: «Раз уж ты так предан сыну нашей госпожи, то и я костями лягу, но сделаю из него настоящего человека».

Ли Яо терпеть не мог излишней сентиментальности. Брезгливо поморщившись, он стряхнул его руку с плеча:

— Хватит разводить тут сырость, давай лучше о деле. Мне все еще не дает покоя этот старый хрыч Фань Хун. Каким бы похотливым дураком он ни был, совершить такую глупость — в открытую держать у себя ищейку народа Цзе... Это за гранью понимания. Неужели...

Хуа Синьфэн вопросительно посмотрел на него.

— Неужели я переоценил человеческий разум и недооценил степень тупости некоторых господ?

Хуа Синьфэн только тяжело вздохнул.

Секретарь Хуа уже давно выработал стойкий иммунитет к беспримерной наглости своего собеседника. Помассировав ноющую переносицу, он проигнорировал колкость:

— Я тайно проверил все его дела. Пока ничего подозрительного не обнаружилось, но расслабляться нам нельзя. Будем следить за ним в оба глаза.

После гибели Иншу лазутчики народа Цзе словно сквозь землю провалились — слежка за Цзинпином полностью прекратилась.

С тех пор секретарь Хуа, едва выпадал свободный час на службе, буквально прописался в усадьбе Ли Яо, терпеливо передавая ученику основы боевого мастерства шаг за шагом.

Хэ Цзинпин ловил каждое его слово, тренируясь до седьмого пота. Один учил на совесть, другой впитывал все как губка. На их фоне почтенный гранд-дядя-наставник Ли Яо выглядел полнейшим бездельником, слоняющимся без дела с утра до вечера.

Возможно, в глубине души Ли Яо еще сохранил крупницы стыда, а потому стал реже посещать чайные домики и театры. Вместо этого он с головой ушел в садоводство. Правда, несчастные цветы в его дворе гибли один за другим, сменяясь новыми жертвами его бурной заботы.

Поначалу Цзинпин из чистого сострадания пытался спасти хотя бы несколько бутонов от безжалостных рук своего наставника. Но вскоре он понял: упрямство Ли Яо росло пропорционально его росту. Стоило намекнуть ему, что садоводство — не его стезя, как тот с утроенной силой принимался «ухаживать» за своими зелеными подопечными.

И чем усерднее он их поливал и окучивал, тем стремительнее они увядали.

Конец этой тирании наступил лишь тогда, когда в одно прекрасное утро на Ли Яо снизошло озарение: его стихия вступает в неразрешимый конфликт с флорой, а губить невинные души — грех великий. Скрепя сердце он оставил попытки вырастить изысканные пионы и засадил весь освободившийся участок неприхотливой редькой и капустой.

Впрочем, усидеть на месте он все равно не мог. Едва забросив лопату, Ли Яо увлекся рыбалкой.

К несчастью, звезды упорно отказывались покровительствовать любым его начинаниям. Он мог пропадать на реке с самого рассвета до позднего вечера, но возвращался неизменно с пустыми руками — в его ведре не плескался даже паршивый малек.

Так они и жили в этом южном дворике: трое мужчин и один верный пес по кличке Гундань. Бывали и споры, и шумный смех, но в доме всегда царил согласие.

Незаметно пролетело три года.

В середине весны рассветы становились все более ранними. В один из таких погожих дней Ли Яо, прихватив свои нехитрые рыболовные снасти, вновь собрался к реке. Цзинпин в это время как раз отрабатывал удары на заднем дворе. Заметив, что наставник крадется к выходу, он окликнул его:

— Гранд-дядя, постой!

Ли Яо недоуменно обернулся.

Цзинпин метнулся в дом и через мгновение вынес теплый плащ.

— У воды всегда сквозит. Лекарство не забыл?

За эти годы юноша заметно вытянулся и теперь смотрел на Ли Яо почти вровень. Накинув плащ на его плечи, он заботливо поправил воротник.

Ли Яо ласково взъерошил ему волосы на макушке:

— Все с собой. Иди занимайся, а я сегодня непременно принесу к ужину знатного карпа.

Цзинпин лишь молча улыбнулся.

«Рассказывай сказки», — подумал он про себя.

И как в воду глядел.

Ли Яо просидел на берегу, не сводя глаз с поплавок, до самого полудня, но ведро по-прежнему оставалось девственно чистым. Отсутствие клева его, конечно, расстраивало, но забота Цзинпина грела душу. Разглядывая ленивую рябь на воде, он невольно предался размышлениям.

«И сколько мне лет, что я радуюсь заботе этого мальчишки как дряхлый старик — вниманию внуков? Неужели я и впрямь засиделся в бобылях и мне пора найти кого-то?..»

Пока он предавался унынию, неподалеку на берегу появились двое деревенских ребятишек.

— Смотри, это Амулет Отделяющегося Огня, когда придет беда, он спасет меня от любой напасти! — хвастался крепыш в нарядной стеганой курточке. Судя по дорогой ткани, его семья не бедствовала.

Его приятель, бывший на пару лет моложе и носивший забавную тонкую косичку на затылке, восхищенно выдохнул:

— Ух ты! Дай поддержать!

С этими словами он потянулся к деревянной дощечке.

Но крепыш ловко поднял руку над головой:

— А вот и нет! Сначала назови меня старшим братом, тогда, так и быть, покажу!

Мальчишки с веселым визгом принялись бегать друг за другом. Их звонкие голоса разнеслись над тихой речной гладью, окончательно распугав ту немногочисленную рыбу, что еще крутилась возле удочки Ли Яо.

Тот, впрочем, ничуть не рассердился. Он не спеша поднялся, смотал снасти и отряхнул подол халата от налипшей пыли. Наблюдая за возней детворы, он лениво размышлял о том, что дома его снова ждет беззлая ухмылка Цзинпина. «Что ж, вечером устрою этому негоднику хорошую взбучку во время тренировки. Пусть помнит, кто здесь мастер!»

Внезапно крепыш оступися. Деревянный амулет выскочил из его пальцев и, описав в воздухе ровную дугу, с громким всплеском канул в воду.

Оба мальчика испуганно вскрикнули.

Крепыш, не раздумывая, бросился к воде, но приятель вовремя вцепился ему в рукав:

— Стой! Не смей! Там глубоко, да и течение сильное, каждый год кто-нибудь тонет!

Вырезанный из легкого дерева амулет сначала ушел под воду, но затем вынырнул на поверхность. Однако к его краю была прикреплена тяжелая нефритовая бусина, из-за которой дощечка медленно, но верно тянулась ко дну.

Мальчик в курточке в панике вырвался из рук товарища:

— Пусти! Отец молится на этот амулет каждый божий день! Я стащил его тайком, пока никто не видел. Если он утонет, батюшка с меня живьем шкуру спустит!

Пока он говорил, вода уже поднялась ему выше колен. Дно под ногами оказалось скользким и неровным; мальчик покачнулся и едва удержал равновесие.

— Вернись, пропадешь! — истошно закричал оставшийся на берегу паренек.

— Все в порядке, тут просто камни... — упрямо буркнул крепыш, делая еще шаг.

Дело принимало скверный оборот.

Ли Яо уже собрался лично вытащить сорванца из воды, как вдруг за его спиной раздался резкий, свистящий звук — мимо него к реке полетел плоский камень.

Камень с завидной точностью пронесся над самой водой и, словно пущенный умелой рукой блинчик, задел край тонущей доски, подбросив ее в воздух на несколько вершков.

В то же мгновение свист повторился. Прежде чем амулет успел упасть обратно в воду, в него врезалась сухая ветка. От сильного удара деревяшка отлетела далеко в сторону и мягко приземлилась на травянистый склон противоположного берега, а сама ветка с тихим плеском канула в реку.

Ребята радостно обернулись. В тени раскидистых ив стоял стройный молодой человек. Из-за густой листвы его лицо трудно было разглядеть, но его жест был предельно ясен — он молча указал рукой в сторону деревянного мостика неподалеку, призывая их поторопиться, пока течение не унесло пропажу.

Мальчишки почтительно поклонились незнакомцу до самой земли и со всех ног бросились к мосту. Когда же они вернулись с амулетом в руках, под деревьями уже никого не было.

Лишь вдали, на пыльной дороге, виднелись две удаляющиеся фигуры.

— Ну что, улов богатый? — поинтересовался подошедший Хэ Цзинпин. Он привычным движением забрал у Ли Яо громоздкие снасти и заглянул внутрь ведра.

Ли Яо даже не взглянул на своего добровольного помощника. Шагая налегке со свободными руками, он лениво протянул:

— Главное, что ты вовремя клюнул на наживку. Твой бросок был весьма недурен.

Цзинпин лишь покачал головой на эту наглость, но втайне остался доволен похвалой. Сохраняя невозмутимый вид, он произнес:

— Наставник пришел. Принес вина и хорошей закуски, говорит, есть важное дело к тебе.

Ли Яо понимающе кивнул. Отвязав от пояса дорожную флягу, он сделал добрый глоток и

протянул ее юноше:

— Пить хочешь? Держи.

Цзинпин взял флягу, но пить не спешил. Он знал, что Ли Яо до сих пор мучает кашель, и хотел было отобрать сосуд с хмельным, но, поднеся горлышко к лицу, уловил тонкий, свежий аромат жасмина.

Цзинпин удивленно приподнял бровь и сделал глоток.

Внутри оказался обычный жасминовый чай. Причем весьма посредственного качества: на вкус напиток был терпким и заметно горчил, и лишь когда горечь оседала на языке, раскрывался цветочный аромат. Цзинпин давно заметил, что Ли Яо питал слабость к крепко заваренному чаю, отдавая предпочтение исключительно жасмину. И это при том, что он мог позволить себе самые редкие и дорогие сорта империи.

— Гранд-дядя, крепкий чай вредит здоровью, особенно при твоих слабых легких. Поберег бы себя, — ворчливо заметил юноша, возвращая флягу.

Ли Яо, давно привыкший к подобным нотациям, пропустил замечание мимо ушей с самым покладистым видом:

— Да знаю я, знаю, — он ловко заткнул флягу пробкой и повесил обратно на пояс. — Каждому человеку в этой жизни нужна хоть какая-то отрада.

Цзинпин нахмурился:

— Отрада? О чем ты?

Ли Яо явно не желал пускаться в долгие объяснения. Заговорщически прищурившись, он понизил голос до таинственного шепота:

— А ты не знал? Твоя покойная гранд-тетушка на самом деле была жасминовым духом. Сейчас она странствует по миру, совершая добрые дела ради очищения кармы. Перед уходом мы заключили с ней уговор: как только я выпью девять тысяч девятьсот восемьдесят один цзинь крепкого жасминового отвара, она вернется ко мне. Ах, как же я тоскую по ней...

Цзинпин лишь сокрушенно потер лоб, тяжело вздохнул и ускорил шаг, решив больше не поддерживать этот бред.

Когда они подошли к воротам усадьбы, солнце уже стояло в зените.

Ни Хуа Синьфэн, ни дядя Сунь, ни даже пес Гундань не питали иллюзий насчет рыбацких талантов хозяина дома. При виде его пустого ведра никто не задал лишних вопросов — его просто молча отправили мыть руки перед обедом.

В этом маленьком усадебном дворике не признавали строгих господских условностей. За обеденным столом собирались все вместе: дядя Сунь, управившись с подачей горячего супа и риса, усаживался обедать наравне со всеми.

За все время трапезы Хуа Синьфэн не обмолвился ни словом о делах. Однако Ли Яо сразу почуял, что визит его давнего друга как-то связан с императорским двором. Едва они доели, он увлек секретаря в рабочий кабинет и, плотно притворив за собой дверь, спросил без лишних предисловий:

— Что стряслось? Выкладывай.

Хуа Синьфэн молча извлек из складок одежды запечатанный конверт и протянул ему:

— Кое-кто из моих доверенных людей в Министерстве общественных работ умудрился передать это тайное послание.

Ли Яо пробежал глазами по строчкам. В письме сообщалось, что мастера из министерства сумели получить новый порох, взрывная сила которого во много раз превосходила силу обычного черного пороха. В случае успеха это открытие позволило бы полностью обновить все вооружение армии: от ручных пищалей и самострелов до громовых бомб и тяжелых орудий.

— Решили усовершенствовать огнестрельное оружие? — задумчиво протянул Ли Яо. — Дело благое.

— Если бы все было так просто, — вздохнул Хуа Синьфэн. — При дворе половина чиновников встала на дыбы. В главном зале сейчас такой ор стоит, что уши закладывает.

Ли Яо недовольно нахмурился:

— Неужели за пару лет сытой жизни эти свиньи забыли, что такое война? А наш государь? Он что, совсем свои мозги в постели у наложниц оставил?

Хуа Синьфэн в ужасе замахал руками, побледнев от такой дерзости:

— Побойся богов, Яньчу! Держи язык за зубами, если голова еще дорога!